

JEL classification: B00, J12, N00, R20
УДК 338(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(4).613-635

Ю.В. Латов

*Институт социологии ФНИСЦ Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация*

Н.В. Латова

*Институт социологии ФНИСЦ Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация*

От экономики семейных домохозяйств — к экономической теории современной семьи: полуторавековые сдвиги в онтологии и гносеологии

Аннотация. Рассматривается эволюция институтов домохозяйства и семьи, а также их восприятия в экономической науке с XIX в. до наших дней. В современной учебной литературе во многом сохраняется представление о нерасчлененном единстве семьи и домохозяйства, которое унаследовано от неоклассической экономической мысли XIX в. и отражает социально-экономические реалии полуторавековой давности. Однако после активно развернувшейся в первой половине XX в. на Западе эмансипации индивидов от традиционной семьи начался процесс постепенного исчезновения семейных домохозяйств как одного из трех основных (наряду с фирмой и государством) экономических субъектов. В современных странах Запада принимающим решения на рынках труда, капитала и потребительских благ субъектом становятся уже не семьи, а самостоятельные индивиды. Семьи не исчезают, но трансформируются на Западе в подобие партнерских фирм, члены которых свободно выбирают / меняют партнеров в зависимости от меняющихся личных потребностей. Такое качественное изменение характера семейных союзов нашло в 1980-е гг. отражение в основанной на подходах Г. Беккера и Р. Поллака «экономической теории семьи», где поведение сексуальных / брачных пар-

тнеров последовательно уподобляется рыночному поведению. Эти тенденции изменения онтологии и гносеологии семьи как экономического субъекта очень важны для понимания возможностей и ограничений политики поддержки традиционной семьи, манифестированной в современной России.

Ключевые слова. Домохозяйство, семья, социально-экономическая эмансипация, социально-экономическая история семьи, экономическая теория семьи.

Информация о статье. Дата поступления 7 ноября 2022 г.; дата принятия к печати 11 декабря 2022 г.; дата онлайн-размещения 26 декабря 2022 г.

Yu.V. Latov

*Institute of Sociology – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, the Russian Federation*

N.V. Latova

*Institute of Sociology – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, the Russian Federation*

From Family Household Economics to the Economic Theory of the Modern Family: Sesquicentennial Shifts in Ontology and Epistemology

Abstract. The article is dedicated to the evolution of institutions of the household and the family, as well as their perception in economics from the nineteenth century to the present day. Modern academic literature largely preserves the notion of an undivided unity of family and household, which is inherited from the 19th century neoclassical economic thought and reflects the socio-economic realities that existed a century and a half ago. However, following the active emancipation of individuals from the traditional family in the West in the first half of the 20th century, the process of gradual disappearance of family households as one of the three

major (along with the firm and the state) economic actors began. In modern western countries, the decision makers in the markets of labour, capital and consumer goods are no longer families, but independent individuals. Families do not disappear, but in western countries they are transformed into a kind of partner firms, whose members freely choose/change partners according to changing personal needs. This qualitative change in the nature of family unions was reflected in the 1980s in "the economic theory of the family" based on the approaches of Gary Becker and Robert A. Pollak, where the behaviour of sexual / marital partners is consistently likened to market behaviour. These trends of changing ontology and epistemology of the family as an economic entity are very important for understanding the capabilities and limitations of traditional family support policies manifested in modern Russia.

Keywords. Household, family, socio-economic emancipation, socio-economic history of the family, economic theory of the family.

Article info. Received November 7, 2022; accepted December 11, 2022; available online December 26, 2022.

Есть хорошо известный парадокс, когда хуже всего замечают не только то, что как-либо «спрятано», но и то, что, наоборот, «лежит на поверхности». Представляется, что именно такая ситуация сложилась в экономической науке с пониманием роли домохозяйств: оно отчасти остается на уровне позапрошлого века, хотя сам этот объект в прежнем виде (как *семейное домохозяйство*) в развитых странах редуцируется и имеет тенденцию в недалеком будущем совсем исчезнуть. Современные российские дебаты о «защите традиционной семьи» связаны во многом именно с этим происходящим на наших глазах «исчезновением» традиционных семейных домохозяйств, на которое чаще обращают внимание социологи, чем экономисты.

Для доказательства этого не вполне осознанного экономистами «исчезновения» рассмотрим сначала развитие в новое и новейшее время семьи как социаль-

но-экономического субъекта, а потом — на отражение этого развития в экономических теориях.

Незамечаемый парадокс домохозяйства

Домохозяйство занимает в современной экономической теории парадоксальное место: оно то признается одним из важнейших акторов рыночного хозяйства, то совершенно игнорируется.

С одной стороны, изучение рыночной экономики студенты-первокурсники начинают со схемы экономического кругооборота, в которой домохозяйство фигурирует как один из трех главных типов экономических организаций, взаимодействуя с фирмами и с государством. При этом домохозяйство объясняется как ячейка, состоящая, как правило, из группы совместно проживающих людей, которая производит ресурсы (труд и инвестиции) для фирм, а также потребляет частные и общественные товары и услуги¹. Всегда оговаривается, что домохозяйство «приблизительно» равно семье: вместе живущая (с совместным бюджетом и с коллективным принятием решений) семья — всегда домохозяйство, но домохозяйство — не всегда семья, поскольку домохозяйствами являются и одиноко проживающие люди (например, литературный Раскольников), и совместно проживающие не-семейные люди (скажем, литературные Шерлок Холмс и доктор Ватсон, квартирующиеся у миссис Хадсон). Нормой при этом аксиоматически признается семейное домохозяйство, поскольку оно воспроизводит себя со сменой поколений. Не-семейные домохозяйства считаются при этом либо «подходом» к семейному домохозяйству (человек живет одиноко или с друзьями,

¹ В хрестоматийном учебнике К. Макконнелла и С. Брю домохозяйство определяется как «экономическая единица, состоящая из одного или более лиц, которая снабжает экономику ресурсами и использует полученные за них деньги для приобретения товаров и услуг, удовлетворяющих материальные потребности» [1, с. 386].

пока не создал свою семью), либо «отходом» от него (дети создали свои отдельно живущие семьи, а супруг потерян). Именно на этой аксиоматике, кстати, основан современный российский дискурс о крайне негативной оценке «нестандартных» семей, где невозможно традиционное воспроизводство посредством деторождения.

С другой стороны, когда начинается более глубокое преподавание студентам механизмов рынка, то домохозяйства фактически исчезают. Действительно, рациональный выбор совершает потребитель, производитель или инвестор, максимизирующий *свое* благосостояние. Как правило, даже не делается специальной оговорки, что при принятии экономических решений семейные люди часто ориентируются на повышение благосостояния не только или даже не столько у себя самого, сколько у своих близких-иждивенцев. В прямом и явном виде не только семья, но и домохозяйство, в базовых курсах экономической теории вообще упоминаются довольно редко. В результате триада субъектов «домохозяйства — фирмы — государство» фактически редуцируется до «индивиду — фирмы — государство». Тем самым аксиоматически предполагается, что решения вполне самостоятельно принимает рациональный индивид, а интересы членов его семьи учитываются им лишь в той мере, в какой в функцию полезности этого индивида интегрировано повышение благосостояния его близких.

Отмеченный парадокс отражает непростую историю развития семейных домохозяйств в новое и новейшее время. Речь идет о длительном процессе роста самостоятельности индивидов при сокращении их зависимости от института семьи. При этом «вводная» модель экономического кругооборота с подразумеваемыми семейными домохозяйствами отражает более раннюю стадию этого процесса, в то время как содержание курсов микро- и макроэкономики, основанное

на презумпции самостоятельности индивидов, — более позднюю стадию развития экономики и общества.

Исторически домохозяйства первичны, а другие экономические субъекты, фирмы и государство, производны от домохозяйств. Ведь фирмы принадлежат отдельным людям, либо коллективам людей, т.е. в конечном счете материальные и нематериальные блага от функционирования фирм получают именно домохозяйства. Государство тоже создано для защиты интересов, в конечном счете, объединенных в домохозяйства людей (хотя зачастую не общества в целом, а лишь отдельных элитных групп, но так или иначе — домохозяйств). Таким образом, именно домохозяйства исторически являются первичным элементом экономической системы. Это отмечено еще в античную эпоху Ксенофонтом и Аристотелем, которые, как известно, рассматривали саму «экономику» как науку о рациональном ведении домашнего хозяйства. В то же время в развитых обществах домохозяйства резко теряют экономическое значение, передавая значительную часть своих функций фирмам и государству.

Эмансипация индивидов и домохозяйств от семьи: процесс

В XVIII–XIX вв., когда формировались основы современной экономической науки, проблема различия того, кто принимает решение, — индивида, семьи и домохозяйства — отсутствовала, поскольку в странах Западной Европы они сливались. Подавляющее большинство (порядка 9/10) домохозяйств состояли тогда из совместно живущих родственников, в том числе на 70–80 % — из нуклеарных семей (родителей с детьми или супругов без детей). Одинокое живущие люди и совместно живущие не-родственники составляли тогда лишь 5–15 % [2, с. 154–156].

Самое главное, в условиях патриархальных культурных традиций, закреплённых в праве, принимающим ответственные решения в семейном домохо-

заяйстве однозначно считался супруг, глава семьи (см., например, [3]). Ведь выходя замуж, женщина теряла гражданскую правоспособность и попадала в полную зависимость от мужа (для иллюстрации достаточно вспомнить сюжетную коллизию «Женщины в белом» У. Коллинза). Лишь во второй половине XIX в. европейские женщины постепенно начали получать де-юре равные с мужчинами имущественные права (например, право самостоятельно распоряжаться своим заработком, который ранее жены обязаны были полностью отдавать мужу)². Реальные повседневные социально-экономические практики отчасти опережали юридические изменения, отчасти отставали от них. Де-факто взрослая европейская женщина до XX в. могла быть экономически самостоятельной (полностью самостоятельно принимающей хозяйственные решения о своей работе, потреблении и инвестициях), только либо отказавшись от брака (жизнь знаменитой британской писательницы Джейн Остин), либо став вдовой (судьба не менее известной французской писательницы Ж. де Сталь), либо заключив фиктивный брак (как знаменитый российский математик С. Ковалевская). Не-самостоятельность женщин поддерживала и система образования того времени, которая принципиально не обучала молодых женщин умению принимать ответственные решения.

Когда женщины не имели имущественных прав и / или возможности их защищать, то семейное домохозяйство если не юридически, то фактически явля-

² Как писала С. Кунц в 2007 г. о развитии «семейной революции» в Соединенных Штатах, «только 150 лет назад законы начали предоставлять женам равные права собственности на деньги, которые они унаследовали или заработали, и всего 120 лет назад суды постановили, что муж не имеет права физически “исправлять” или заключать в тюрьму свою жену. ...Еще в 1970-х годах во многих штатах действовали законы о “главе и хозяине”, которые давали мужьям последнее слово в таких решениях, как, что делать с общим имуществом, где должна жить пара и может ли жена устроиться на работу» [4].

лось хозяйством мужа — главы семьи, который и принимал ответственные решения от имени всех членов семьи. Если домохозяйство состояло из нескольких семей или поколений, живущих под одной крышей, то в принятии общих решений участвовали, как правило, лишь взрослые мужчины. Степень учета интересов неполноправных членов семьи могла варьироваться в самых широких пределах (включая полное отсутствие их учета): экономическая власть глав семей имела мало формальных ограничений, а развод супругов по требованию одного из них запрещался или допускался лишь в очень особых обстоятельствах. В домохозяйствах элиты общества с неполноправными членами семьи сближались слуги, которые жили чаще всего под одной крышей с работодателями и тоже строго подчинялись главе семьи; трансформация работы прислуги в стандартную разновидность наемного труда завершилась лишь столетие назад.

Ситуация с самостоятельностью членов семейного домохозяйства начала качественно изменяться в начале XX в. Новым этапом эмансипации женщин от семьи / домохозяйства стало теперь признание за женщинами политических прав. Качественные сдвиги происходили под влиянием не столько борьбы суфражисток за гражданское равноправие, сколько роста возможности и даже необходимости (в периоды двух мировых войн) втягивания женщин в общественное (не-домашнее) производство. Если до Первой мировой войны избирательные права давали женщинам лишь некоторые периферийные страны (например, Австралия и Норвегия), то в 1918 г., в разгар войны, равноправие женщин признали Германия и Великобритания, а в 1920 г., сразу после завершения Великой войны, — в США и Австрии. Следующая волна политической эмансипации европейских женщин прошла уже во время Второй мировой войны: в 1944 г. политическое равноправие женщин признали во Франции, в 1945 г. — в Италии.

До мирных окраин Европы (например, до Швейцарии и Португалии), где женщинам не приходилось становиться «за станки» вместо ушедших на фронт мужчин, эта волна изменений дошла лишь в 1970-е гг.

Предоставление женщинам избирательных прав является индикатором качественного сдвига и в их фактической социально-экономической самостоятельности. Ведь если женщинам разрешают выбирать политиков, то их экономическая самостоятельность (право выбирать профессию, работу, распоряжаться заработком) также не подвергается сомнению. Впрочем, даже в такой высокоразвитой стране Запада, как Франция, женщины получили юридическое право работать без формального согласия мужа лишь в 1965 г. Хотя в социально-экономической истории эмансипации на Западе обращают большое внимание на «революционные» изменения 1960-х гг. [4], но основные сдвиги произошли, как видим, задолго до этого.

Развитию равноправия членов домохозяйств существенно способствовала и активизация при послевоенной «кейнсианской революции» государственной социальной политики. Действительно, чем активнее государство стало брать на себя многие функции социальной защиты граждан (от падения доходов при временной безработице, от потери доходов в старости, от высоких расходов на растущих детей и т.д.), тем меньше члены семейных домохозяйств зависели друг от друга.

Эмансипация индивидов и домохозяйств от семьи: результат

Эмансипация европейских женщин (самостоятельная профессиональная карьера, личные финансы, свободный брак) и сильная социальная политика (поддержка матерей-одиночек, помощь престарелым) привели к сдвигу от нормативного домохозяйства-семьи, являющегося монолитной экономической ячейкой, к высокой гетерогенности домохозяйств. С одной стороны, сильно выросла доля не-семейных домо-

хозяйств, состоящих из жильцов-одиночек (25–30 % всех домохозяйств) или сожителей, не образующих семьи (по крайней мере, юридически). С другой стороны, даже домохозяйства, юридически являющиеся семейными (т.е. состоящие из супругов, живущих с родителями или отдельно от них, с детьми или без детей), становятся свободным сожительством самостоятельных людей, совместно принимающих лишь некоторые решения (например, о деторождении, но не о выборе работы). Такое семейное домохозяйство, где нередко пропадает даже традиционная функция главы семьи (за разные аспекты жизни часто отвечают разные члены семьи), парадоксально начинает походить на партнерскую фирму, члены которой имеют как общие деловые интересы, так и свои личные, мало связанные с интересами других партнеров фирмы. В этой связи характерно постепенное распространение даже в современной России обозначение сожителя / супруга как сексуального / брачного партнера.

Контр-тенденцией, несколько замедляющей ослабление традиционного типа семьи-домохозяйства, стало удлинение общепринятого понимания детства, когда молодые люди считаются недостаточно самостоятельными, юридически обязанными подчиняться родителям и реально проявляющими инфантильность. Действительно, если до XIX в. заключать брак и создавать отдельную семью-домохозяйство молодые люди могли с 12–14 лет, то к XX в. брачный возраст вырос до 18 лет. При этом даже взрослые дети, создавшие семью, очень часто настроены на совместное проживание с пожилыми родителями, которые считаются обязанными помогать детям, как минимум, воспитывать внуков. Впрочем, как раз для наиболее развитых западных стран эти тенденции, препятствующие «разлетанию» детей от родителей, менее характерны.

Отделение домохозяйства и индивида от семьи транслируется западноевропейской цивилизацией на

весь остальной мир, где процессы эмансипации развиты гораздо слабее. В частности, в рекомендации ООН для статистического учета домохозяйств дано такое их определение («лицо или группа лиц, объединенных с целью обеспечения всем необходимым для жизни»), в котором семья совсем не упоминается. Между тем, например, в СССР статистика населения строилась на учете именно семей, поскольку общепринятой нормой являлось семейное домохозяйство. Переход к учету домохозяйства вместо семей впервые был реализован, как один из элементов постсоветской модернизации, лишь при проведении российской переписи населения 1994 г. [5, с. 104]. В последнее десятилетие в России эта эмансипация от традиционной семьи трактуется, прежде всего, как результат прозападной гей-пропаганды, хотя на самом деле, как видим, ее причины гораздо глубже и лишь частично связаны с популярностью на современном Западе «нетрадиционных» сексуальных практик.

Наиболее активно «отмирание» традиционной семьи — и тем самым традиционного семейного домохозяйства — происходит в США. Количество юридических браков в Соединенных Штатах продолжает снижаться, хотя однополые пары также получили право вступать в брак. В 2014 г. только около половины всех взрослых в США состояли в браке, тогда как в 1960 г. — почти 3/4. О сокращении традиционных семей говорит тот факт, что только около 3/5 домохозяйств в США являются «стандартными» полноценными семьями с двумя биологическими родителями и детьми. В остальных более чем 2/5 американских домохозяйств наблюдаются сложные семейные отношения: разные родители, отсутствие одного из родителей, сводные братья и сестры [6]. Подобные семейные модели сильнее сконцентрированы среди неблагополучных групп населения — прежде всего, расово-этнических меньшинств (особенно, чернокожих мужчин и женщин), для которых «нетрадиционные» семейные отношения

во многом обусловлены культурой бедности. Однако вполне благополучные семьи американского среднего класса тоже ими существенно затронуты.

Таким образом, хрестоматийная модель экономического кругооборота с семейным домохозяйством была достаточно корректна для описания индустриального общества (т.е. примерно до середины XX в.), но ее все труднее использовать для характеристики рождающегося постиндустриального общества. В индустриальном обществе производство в основном было вынесено за рамки домохозяйства, во «внешний мир», а дом рассматривался как место отдыха, восстановления сил. Новые средства производства — прежде всего, электронные коммуникации — с конца XX в. позволяют эффективно совместить в «электронном коттедже» работу и отдых. Уже сейчас многие специалисты (программисты, дизайнеры, маркетологи, ученые-теоретики, журналисты) работают в основном у себя дома перед экраном компьютера, не тратя время на переезды из дома в офис фирмы и обратно. В результате формируется единый (без четкой грани между работой и отдыхом) мир жизни современного человека с едиными правилами. По мере дальнейшего развертывания НТР грань между домохозяйством и фирмой будет стираться все сильнее и сильнее.

Итак, если в эпоху генезиса капитализма в новое время фирмы «вылуплялись» из семейных домохозяйств, то в современную эпоху, наоборот, семейные домохозяйства постепенно «растворяются» в фирмах, поскольку отношения между членами семей начинают все больше походить на разделение труда в партнерской фирме.

Дискурсы осмысления традиционных домохозяйств: от А. Маршалла до Г. Беккера

Поскольку история экономической мысли является отражением общей социально-экономической истории (прежде всего, конечно, истории западной

цивилизации), то обращение экономистов к анализу семьи и домохозяйства менялось по мере объективной трансформации самих этих институтов.

В начальные века развития экономической науки нормативное тождество семьи и патриархально управляемого домохозяйства приводило к тому, что очень часто используемый в наши дни термин «домохозяйство» экономисты XVIII–XIX вв. применяли довольно редко. Приведем лишь одно наблюдение: в фундаментальных для неоклассики «Принципах экономики» Альфреда Маршалла (1890 г.) не менее сотни раз упоминается семья, но там можно найти не более десятка примеров, когда автор пишет про «домашнее хозяйство» или использует производные от него термины (чаще всего — упоминая «домохозяек»).

На примере «Принципов экономики» А. Маршалла хорошо виден общий дискурс экономического осмысления роли семьи-домохозяйства, типичный для обществоведения XIX в. С одной стороны, знаменитый английский экономист отмечает немало экономических проблем, требующих учета института семьи: обратная зависимость между квалификацией работника и числом его детей тормозит повышение качества рабочей силы; сильное влияние «семейных привязанностей» на сбережения и страхование; необходимость учитывать занятость женщин и детей при территориальном размещении производства; и т.д. Более того, А. Маршалл подчеркивает, что не только он, но и другие экономисты обязательно учитывали роль «семейных привязанностей», «когда речь шла о распределении дохода семьи между ее членами, об издержках на подготовку детей к их будущей карьере и об использовании накопленного богатства после смерти того, кто его нажил». Однако сами «семейные привязанности», по мнению А. Маршалла, представляют собой «чистую форму альтруизма» (глава вторая, параграф 5 «Принципов экономики» [7]), т.е. выводятся, в сущности, за пределы экономической науки.

Возникает логическое противоречие: семья играет высокую роль в экономике, но сама она является внеэкономическим феноменом, поскольку экономика изучает приращение выгоды, а семья принципиально альтруистична. Для экономистов XIX в., когда экономическая наука еще не вполне «оторвалась» от других направлений обществоведения, такое противоречие не играло особой роли. Однако, когда в первой половине XX в. институционализация «экономикса» вполне завершилась, то вопрос о роли семьи в неоклассической экономической теории надо было решать, либо вообще отказавшись учитывать «семейные привязанности» как важный фактор хозяйственной жизни, либо отказавшись от аксиоматического для XIX в. тезиса о не-экономическом характере этих «привязанностей».

В течение первой половины XX в. в экономической науке (не только в неоклассическом мейнстриме, но и в других направлениях) «семья» по существу пропала, зато стал активно использоваться теоретический конструкт «домохозяйство», которое фактически отождествлялось с «индивидом». Учет семейного статуса потребителей, инвесторов и т.д. «ушел» в экономическую социологию, которая именно в этот период стала активно развиваться, компенсируя «провалы» экономической теории. В частности, изучением социальных особенностей потребительского поведения начала заниматься так называемая социология денег как направление экономической социологии [8].

Экономическая социология вообще базируется на критике экономистов-неоклассиков за не вполне корректное понимание главного экономического субъекта. Экономисты-неоклассики считали таковым атомизированного индивида, заботящегося только о своей личной выгоде; социологи же подчеркивали, что любой нормальный реальный человек вовсе не проводит резкой грани между заботой лично о себе и заботой о своих близких, членах его домохозяйства. Тем не менее, нео-

классическая экономическая теория считала вполне возможным трактовать предмет своей науки как изучение сугубо индивидуального выбора, для анализа которого (за исключением некоторых аспектов потребительского поведения) совсем не обязательно учитывать, как это делал А. Маршалл, «семейные привязанности».

В рамках кейнсианства, которое в 1930–1960-е гг. даже временно перехватило у неоклассиков роль мейнстрима экономической теории, домохозяйству тоже не повезло, поскольку Дж.М. Кейнс и его последователи основное внимание вообще сфокусировали на «внерыночном» государстве, а не домохозяйствах и фирмах как основных субъектах рыночного кругооборота. Достаточно сказать, что в «Общей теории занятости, процента и денег» (1936 г.) Дж.М. Кейнса «домохозяйств» совершенно нет, а «семья» упоминается лишь примерно с десяток раз, едва ли не реже, чем «семейства кривых»³.

Если обобщить «до-беккеровский» неоклассический подход к анализу поведения домохозяйств, то его «рамочные» предпосылки можно охарактеризовать, как это сделал И.В. Розмаинский [10, с. 103], следующим образом: домохозяйство и индивид рассматриваются как тождественные понятия, а семья фактически игнорируется. При этом не исследуются отношения внутри домохозяйства и цели его образования, отличные от стандартных условий жизнедеятельности рационального индивида. Иными словами, до последней трети XX в. в неоклассической теории семейное домохозяйство (как, впрочем, и другие экономические субъекты — фирма и государство) являлось «черным ящиком» или «рассыпалось» на индивидов.

³ Самый большой фрагмент, где в самой знаменитой монографии Дж.М. Кейнса упоминается семья, — когда в 9-й главе заходит речь про «накопление сбережений в связи с необходимостью позаботиться о старости, предоставить членам семьи возможность получить образование или содержать иждивенцев» [9].

**Дискурсы осмысления современных домохозяйств:
экономическая теория семьи⁴**

С 1960–1970-х гг. в экономической теории возродился интерес к институту семьи, но довольно парадоксальным образом. Речь идет о формировании Economics of Family, экономической теории семьи, развиваемой нобелевским лауреатом Гэри Беккером и его коллегами по «экономическому империализму»⁵. Как известно, «экономический империализм», к которому относится и «беккеровская» экономическая теория семьи, в некоторых аспектах похож на старый (традиционный) институционализм, но по сути является его зеркальным отражением. Действительно, если институционалисты стремятся внедрить в экономическую теорию элементы других направлений обществоведения (социологии, исторической науки, политологии, культурологии...), то «экономические империалисты» поступают наоборот. Сущность этого научного направления — в распространении методологических приемов неоклассической экономической теории на те явления, которые ранее считались не-экономическими.

В частности, если во времена А. Маршалла семейные отношения считались сугубо альтруистичными, то «экономические империалисты» стали рассматривать их как одну из разновидностей обычных экономических отношений, направленных на «эгоистичную» максимизацию выгоды. Объективной основой для быстрой «победы» такого подхода была, как ранее указывалось, реальная трансформация института семьи в странах западноевропейской цивилизации в XX в.: семейное домохозяйство, остающееся доминирующим типом домохозяйства, действительно стало сближаться с бизнес-фирмой, организованной как

⁴ В данном разделе использованы некоторые идеи из работы [11].

⁵ Из основных работ Г. Беккера по экономике семьи следует указать на следующие [12–15].

партнерство (товарищество). Не случайно экономическая теория семьи родилась и развивается главным образом в США — в стране, где эмансипация индивида от традиционной семьи зашла дальше всего.

В рамках современной экономической теории семьи можно выделить традиционный (основанный непосредственно на универсалистском подходе Гэри Беккера) и трансакционный (связанный с идеями, прежде всего, менее известного отечественным экономистам Роберта Поллака) подходы. Оба они сформировались в работах американских экономистов 1980-х гг. и оба по существу приравнивают семью к фирме.

Традиционный подход основан на формализованных Г. Беккером моделях производительного домашнего хозяйства и брачного рынка [12]. Суть моделей заключается в описании максимизирующего благосостояние поведения членов семьи по использованию совместных бюджетов времени и финансов с учетом доступных альтернатив — домашний труд и / или рыночная занятость. Предложенные Г. Беккером модели описывают ключевые сферы семейных отношений, включая деторождение и воспитание детей, сексуальную активность и совместный быт. Учитывая использование в моделях Г. Беккера принципов анализа, применяемых в неоклассической теории, при описании семейных отношений игнорируется внутренняя организация и структура семьи, принимается во внимание лишь стремление супругов максимизировать суммарный доход и их специализация при разделении обязанностей в процессе производства благ в домашнем хозяйстве. В сущности, примерно так же можно анализировать поведение полностью самостоятельного индивида, выбирающего наилучшую занятость путем сравнения разных рабочих мест в разных фирмах.

В отличие от традиционного, трансакционный подход позволил расширить эвристический потенциал новой экономической теории семьи посредством «призна-

ния» ее внутренней структуры как определенного типа экономической организации [16]. Согласно транзакционному подходу к анализу современной семьи, брак является институционализированной формой «отношенческого» контракта. Ведь в семье имеет место регулярное взаимодействие супругов и наличие идиосинкратических активов, обладающих крайней степенью специфичности, — специфического семейного капитала (прежде всего, знания привычек брачного партнера), обесценение которого при разрыве такого контракта обеспечивает снижение рисков развода. Такой подход, тоже рассматривающий семью как «фирму особого рода», органически допускает оппортунистическое поведение супругов.

Транзакционный подход, тем не менее, более гибок, чем исходный подход Г. Беккера, поскольку при анализе семейных отношений (в том числе внутрисемейного распределения обязанностей) акцентирует внимание на институциональной среде и динамических институциональных изменениях. Например, М. Кан, О. Салтиван и Дж. Гершуни доказали сглаживание гендерной асимметрии в распределении домашнего труда между супругами в результате институциональных изменений последнего столетия [17]. А в исследованиях трансформации института семьи в США С. Лунбергом и Р. Поллаком демонстрируются тенденции сокращения ценности брака по сравнению с другими альтернативами [18].

Своеобразным реквиемом по традиционному семейному домохозяйству стала следующая оценка экономической роли семьи, сформулированная более 40 лет назад: «В современной экономике семья лишается значительной части своей производительной деятельности и специализируется преимущественно на эмоциональных отношениях и совместном потреблении» [19, р. 61]. Поскольку последующее социально-экономическое развитие стран Запада сокращало и сферу совместного потребления, от семейного домохозяйства в перспективе останутся, видимо, только «эмоци-

ональные отношения». Это останется объектом изучения социологов, но не экономистов.

Конечно, вывод о «смерти» традиционной семьи на современном Западе и, соответственно, полном отмирании семейного домохозяйства как экономического субъекта еще преждевременен. Сближение семейного домохозяйства с партнерской фирмой, активно развивающееся в течение последнего столетия, даже в самых «продвинутых» странах Запада остается пока лишь тенденцией, далекой от завершения и вызывающей противоречивые оценки. Поэтому и развивающаяся за рубежом почти полвека экономическая теория семьи воспринимается отечественными экономистами как не столько комплексное отражение реалий института современного «пост-семейного» домохозяйства, сколько как гиперболизация тех его характеристик, которые связаны с эмансипацией домохозяйства и индивида от семьи. Однако «защита традиционной семьи», усиленно прокламируемая в России в последние годы, может скорее затормозить обрисованные тенденции, чем повернуть их назад.

Список использованной литературы

1. Макконнелл К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика : в 2 т. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю . — Москва : Республика, 1992. — Т. 2. — 400 с.
2. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. ст. / под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. — Москва : Статистика, 1979. — С. 132-157.
3. Guillaumin C. Racism, Sexism, Power and Ideology / C. Guillaumin. — London : Routledge, 1995. — 288 p.
4. Coontz S. The Family Revolution / S. Coontz // Greater Good Magazine. — 2007. — URL: https://greatergood.berkeley.edu/article/item/the_family_revolution.
5. Миронова А.А. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект / А.А. Миронова, Л.М. Прокофьева. — EDN XWCDYT // Демографическое обозрение. — 2018. — Т. 5, № 2. — С. 103-121.

6. Vanorman A.G. Understanding the Dynamics of Family Change in the United States / A.G. Vanorman, P. Scommegna // *Population Bulletin*. — 2016. — Vol. 71, no. 1. — pp. 1–21.

7. Маршалл А. Принципы экономической науки : в 3 т. / А. Маршалл. — Москва : Прогресс, 1993. — Т. 1. — 414 с.

8. Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / В. Зелизер. — Москва : Изд. дом Высшей Школы Экономики, 2004. — 284 с.

9. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж.М. Кейнс. — Москва : Эксмо, 2007. — 960 с.

10. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р.М. Нуреева. — 2-е изд. — Москва : МОНФ, 2003. — Ч. I: Домохозяйства современной России. — 319 с.

11. Капогузов Е.А. Институциональные арены брачных игр / Е.А. Капогузов, Р.И. Чупин, М.С. Харламова. — DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.4.026-039. — EDN QLMXXX // *Journal of Institutional Studies*. — 2019. — № 4. — С. 26–39.

12. Becker G.S. A Treatise on the Family / G.S. Becker. — Cambridge : Harvard University Press, 1981. — 288 p.

13. Becker G.S. An Economic Analysis of Fertility / G.S. Becker // *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. — Columbia University Press, 1960. — P. 209–240.

14. Беккер Г.С. Выбор партнера на брачных рынках / Г.С. Беккер // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. — 1994. — № 6. — С. 12–36.

15. Беккер Г.С. Семья / Г.С. Беккер // *Экономическая теория* / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. — Москва : Инфра-М, 2004. — С. 308–321.

16. Pollak R.A. A Transactional Cost Approach to Families and Households / R.A. Pollak // *Journal of Economic Literature*. — 1985. — Vol. 23, no. 2. — P. 581–605.

17. Kan M.Y. Gender convergence in domestic work: Discerning the effect of interactional and institutional barriers from largescale data / M.Y. Kan, O. Sullivan, J. Gershuny. — DOI 10.1177/0038038510394014 // *Sociology*. — 2011. — Vol. 45, iss. 2. — P. 234–251.

18. Lundberg S. The American Family and Family Economics / S. Lundberg, R.A. Pollak. — DOI 10.1257/jep.21.2.3 // *Journal of Economic Perspectives*. — 2007. — Vol. 21, iss. 2. — P. 3–26.

19. Ben-Porath Y. The F-Connection: Families, Friends, and Firms and the Organisation of Exchange / Y. Ben-Porath. — DOI 10.2307/1972655 // *Population Development Review*. — 1980. — Vol. 6, no. 1. — P. 1–20.

References

1. McConnell C.P., Brue S.L. *Economics: Principles, Problems, and Policies*. 13th ed. New York, McGraw-Hill/ Irwin, 1991. Vol. 2. 808 p. (Russ. ed.: McConnell C.P., Brue S.L. *Economics: Principles, Problems, and Policies*. Moscow, Respublika Publ., 1992. Vol. 2. 400 p.).

2. Laslett P. The Family and the Household: a Historical Approach. In Vishnevskii A.G., Kon I.S. (eds). *Marriage, Fertility and the Family Over Three Centuries*. Moscow, Statistika Publ., 1979, pp. 132–157. (In Russian).

3. Guillaumin C. *Racism, Sexism, Power and Ideology*. London, Routledge, 1995, 288 p.

4. Coontz S. The Family Revolution. *Greater Good Magazine*, 2007. Available at: https://greatergood.berkeley.edu/article/item/the_family_revolution.

5. Mironova A., Prokofieva L. Family and household in Russia: the demographic aspect. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*, 2018, vol. 5, no. 2, pp. 103–121. (In Russian). EDN: XWCDYT.

6. Vanorman A.G., Scommegna P. Understanding the Dynamics of Family Change in the United States. *Population Bulletin*, 2016, vol. 71, no 1, pp. 1–21.

7. Marshall A. *Principles of Economics*. London, New York, MacMillan & Co., 1890. Vol. I. 802 p. (Russ. ed.: Marshall A. *Principles of Economics*. Moscow, Progress Publ., 1993. Vol. 1. 414 p.).

8. Zelizer V. *The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies*. Princeton University Press, 1997. — 286 p. (Russ. ed.: Zelizer V. *The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2004. 284 p.).

9. Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Cambridge, Harcourt, 1935. 300 p. (Russ. ed.: Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 960 p.).

10. Nureev R.M. (ed.). *Economic Actors in Post-Soviet Russia (Institutional Analysis)*. 2nd ed. Moscow, MONF Publ., 2003. Pt. 1. 319 p.

11. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. Institutionalized Arenas of Marriage Game. *Journal of Institutional Studies*, 2019, no. 4, pp. 26–39. (In Russian). EDN: QLMXXX. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.026-039.

12. Becker G.S. *A Treatise on the Family*. Cambridge, Harvard University Press, 1981, 288 p.

13. Becker G.S. An Economic Analysis of Fertility. *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Columbia University Press, 1960, pp. 209–240.

14. Becker G.S. Assortative Mating in Marriage Markets. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i system = THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*, 1994, no. 6, pp. 12–36. (In Russian).

15. Bekker G.S. Family. In Ituella Dzh., Milgeita M., N'yumena P. (eds). *Economic theory*. Moscow, Infra-M Publ., 2004, pp. 308–321. (In Russian).

16. Pollak R.A. A Transactional Cost Approach to Families and Households. *Journal of Economic Literature*, 1985, vol. 23, no. 2, pp. 581–605.

17. Kan M.Y., Sullivan O., Gershuny J. Gender Convergence in Domestic Work: Discerning the Effect of Interactional and Institutional Barriers from Largescale Data. *Sociology*, 2011, vol. 45, iss. 2, pp. 234–251. DOI:10.1177/0038038510394014.

18. Lundberg S., Pollak R.A. The American Family and Family Economics. *Journal of Economic Perspectives*, 2007, vol. 21, iss. 2, pp. 3–26. DOI:10.1257/jep.21.2.3.

19. Ben-Porath Y. The F-Connection: Families, Friends, and Firms and the Organisation of Exchange. *Population Development Review*, 1980, vol. 6, no. 1, pp. 1–20. DOI:10.2307/1972655.

Информация об авторах

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: latov@mail.ru. 0000-0001-7566-4192; SPIN-код: 1489-6446; AuthorID: 152966; WoS ResearcherID: P-7344-2016; Scopus Author ID: 35769274400.

Латова Наталия Валерьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: myshona@rambler.ru. 0000-0001-9315-2588; SPIN-

код: 8029-7070; AuthorID: 135286; WoS ResearcherID: C-4665-2014; Scopus Author ID: 25927190500.

Authors

Yury V. Latov — D.Sc. in Sociology, Ph.D. in Economics, Chief Researcher, Institute of Sociology — branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation; e-mail: latov@mail.ru. 0000-0001-7566-4192; SPIN-Code: 1489-6446; AuthorID: 152966; WoS ResearcherID: P-7344-2016; Scopus Author ID: 35769274400.

Natalia V. Latova — Ph.D. in Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology — branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation; e-mail: myshona@rambler.ru. 0000-0001-9315-2588; SPIN-Code: 8029-7070; AuthorID: 135286; WoS ResearcherID: C-4665-2014; Scopus Author ID: 25927190500.

Для цитирования

Латов Ю.В. От экономики семейных домохозяйств — к экономической теории современной семьи: полутора-вековые сдвиги в онтологии и гносеологии / Ю.В. Латов, Н.В. Латова. — DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(4).613-635 // Историко-экономические исследования. — 2022. — Т. 23, № 4. — С. 613–635.

For Citation

Latov Yu.V., Latova N.V. From Family Household Economics to the Economic Theory of the Modern Family: Sesquicentennial Shifts in Ontology and Epistemology. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2022, vol. 23, no. 4, pp. 613–635. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(4).613-635.